

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ:

Анатолий Мазаев

АРТЕЛЬ КАК ОБЩИННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Анатолий Мазаев

**ОБЩИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА РУССКОГО
ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА**

Виктор Ереньков, Наталия Мумладзе

**ПРОЕКТ УЧЕБНО - ПРОИЗВОДСТВЕННОГО АГРОЦЕНТРА
«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»**

Декабрь 2002

Геннадий Асинкритов
г. Удомля Тверской области

ЗЕМЛЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Русская земля... Кто тут, отзовись!
Покажись, земляк, выйди, не таись!
Снежные поля саваном легли...
Без людей земля, люди без земли.
Сказку не начать, песню не сложить,
Некого прощать, некому тужить.
Знать, поводыря не того нашли...
Без людей земля, люди без земли.
Отчие края – падшие кресты,
Как тоска моя, серый день застыл.
Стаи воронья кружатся вдали...
Без людей земля, люди без земли.

▣ ▣

Михаил Гаврилов
Московская область

Два мира есть у нас:
то город и село,
как рабство без прикрас
понравиться могло?
Село есть Жизни Путь,
а город – грязь и ложь.
Не веришь, - посмотри,
как ты теперь живёшь.
Итак, назад, в село,
с наукою - в поля,
ведь счастье там живёт,
где наша Мать-Земля.

▣ ▣

АРТЕЛЬ КАК ОБЩИННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Национальную идею нельзя придумать. Она рождается в недрах народа. И устройство жизни на началах правды, соборности, организации (общинной цивилизации) может быть осуществлено на основе исторического опыта, на реализации предшествующими поколениями русского народа. Что касается экономики, то тут бы опереться на тысячелетний опыт артельного ведения хозяйственной деятельности.

Н.О.Осипов в 1897 году писал, что артель «...означает такую совокупность человеческих отношений, которые вполне присущи русскому национальному характеру, находятся в неразрывной связи со всем строем хозяйственно-экономического быта нашего народа... В юридическом смысле артельное устройство имеет ту же основу, как и всякое товарищество. Но, в сущности, между артелью и товариществом существует громадная разница... Форма русской артели есть бытовая форма: ее связывают экономические и хозяйственные условия народного быта, поэтому союз артельный гораздо прочнее союза товариществ. Артель, собственно говоря, не есть учреждение, а скорее бытовое, общинное явление, свойственное характеру и обычаям русского народа...

Русский люд издревле привык работать и промышленять не врозь, а массою или, так сказать, миром; желая отправиться на работу в другие местности, за пределы родного гнезда, российский рабочий никогда не отправляется один, а составляет товарищество, и ему ходить весело и работать приятнее. Эти товарищества и прозвали у нас с древних времен – артели».* В артели не только создавался продукт, оказывались услуги, но происходило становление и совершенствование человеческой личности самой по себе и как члена общества.

Артель, во-первых, создавала продукт для удовлетворения насущных потребностей людей. Известно, что дерево узнается по плодам его, и судить нас будут по делам нашим. Поэтому сущность артели – ее продукт – и есть мерило, по которому нужно судить о нравственной направленности деятельности артели. «Насущный» происходит от слова «сущность», а сущность человека – это его душа. Поэтому насущные, а лучше сказать сущностные нужды – те, которые удовлетворение которых служит спасению души, и относится это к духовным, душевным и телесным потребностям. Второе. Для того, чтобы совместно создавать продукт для удовлетворения сущностных потребностей людей, были выработаны нормы взаимоотношений членов артели:

- каждый участвует в деятельности артели личным трудом. Никто не может получать только дивиденды, как в акционерном обществе;

- круговая порука, то есть, безусловное возмещение убытков и вреда, нанесенного потребителю, за счет капиталов артели и личного имущества членов артели;
- каждый имеет один голос на общем собрании артели; решения на общем собрании принимаются единогласно;
- каждый должен уметь выполнять все работы, которые ведет артель, то есть, практически уметь произвести продукт артели. Не было узкой специализации. Каждый мог стать мастером;
- производился раздел заработка по трудовому вкладу каждого артельщика в конечный продукт;
- в капиталы артели отчислялся определенный процент от заработка каждого;
- в артели каждый артельщик собственник, хозяин и работник одновременно.

Рассмотрим основные артельные понятия.

Личный труд. Труд как духовная, душевная и телесная деятельность и есть творчество, создание того самого плода, по которому будут судить нас, и именно в труде происходит совершенствование человека, но тогда, когда он создает продукт для удовлетворения сущностных потребностей человека. В артели каждый имеет право на то, чтобы у него была работа по сложности и по объему равноценная работе остальных членов артели. Тем самым член артели имел право на содержательный, интересный труд, и на то, чтобы заработать столько же, сколько и другие.

Круговая порука. При нанесении убытков заказчику, потребителю артель отвечает всем своим артельным и личным имуществом. Это гарантия того, что интересы потребителя, заказчика не будут нарушены. По суворовскому правилу сам погибай, а товарища выручай.

Один человек – один голос. В артели каждый ее член на общем собрании имеет один голос, независимо от того, каков его пай в капиталах артели. Ум не определяется величиной капитала на личном счете члена артели. А сейчас другое: «если ты такой умный, то почему бедный».

Нет узкой специализации. Артельщик должен был уметь выполнять все работы, необходимые для производства конечного продукта артели, и каждый мог стать мастером. Это одно из непременных условий совершенствования человека. Ради прибыли работа не строилась так, чтобы произвести как можно больше продукции, хотя бы это и приводило к отупению и оглушению работников, выполняющих простые операции, практически не требующие ума, воображения, ловкого сильного тела.

Единодушное голосование. Решение не принимаются большинством голосов. Голосование вообще не проводится, обсуждение продолжается до тех пор, пока не находит правильного решения, а для

того, чтобы принять, такое решение, надо, чтобы каждый мог высказать мнение, вдуматься в насущные нужды других, не считать своё мнение единственно верным, уступать. В спорных случаях для того, чтобы досконально разобраться в деле, члены артели разбивались на группы при обсуждении делав в которых можно было вникнуть в его существо, каждому высказать своё мнение, сопоставить различные точки зрения, выработать общее решение группы. Затем групповые решения обсуждались всеми членами артели и принималось общее решение (как в общине). Как мы видим, это было не просто единодушное принятие решения, а способ его выработки.

С середины XIX столетия во многих артелях и общинах решения стали принимать голосованием, однако, и в это время были артели, например, дрягилей (крючников), в которых решения принимались единодушно. Способ выработки и принятия решения – это одна из важнейших характеристик человеческих общностей, по которой можно судить о степени их нравственной зрелости.

Раздел заработка производится по трудовому вкладу каждого в конечный продукт. Это и означает, что каждый получает по делам своим. Всюду, конечно, производится раздел заработка. Только способы его разные: в акционерном обществе по силе денег, в мафии – по силе и жестокости, на государственном предприятии – по произволу администрации. В артели – по справедливости. В артели не раздавали заработок в конвертах, так, чтобы никто не знал, кто сколько заработал. Долю каждого ее члена обсуждали и утверждали на общем собрании артели. Социальная точность раздела заработка определяется тем, насколько каждый член артели знает и умеет выполнять все работы, необходимые для производства конечного продукта артели и, следовательно, может точно определить вклад в него каждого члена артели.

Каждый собственник, хозяин и работник. В артели не было работодателей и наемных работников. Артель могла наниматься на работу к работодателю и по отношению к нему члены артели были наемными работниками. Но внутри артели все были равны. Каждый был «сохром» (собственником, хозяином и работником одновременно).

Капиталы артели. Отчисления в капиталы артели производились из заработка каждого члена артели. Принципиально важно, что именно из заработка. При таком способе образования капиталов артели они становятся персонифицированным капиталом – известна доля каждого в капиталах артели.

Таким образом, деятельность артели осуществлялась на основе отношений правды как с заказчиками, так и между членами артели. Конечно, выше дано описание идеальной артели, в артели объединялись живые, реальные люди со слабостями и пороками. Тех, кто жульничал, не в состоянии был соблюдать эти правила, артель исключала. Интересно, что в уставе артели дрягилей был и пункт, что артель может

исключить человека, если он не нравится остальным членам артели, но это не безработные, это – отверженные. То есть, отвергнутые за то, что они не могут честно трудиться, ужиться с другими людьми.

Это такое же явление, как несовместимость тканей, пусть отверженные ищут таких людей, с которыми они смогут работать вместе. Ведь никто не возмущается, что в экипаж космонавтов подбирают людей, которые могут работать согласованно, слаженно, без конфликтов.

Видно, что артельные правила действуют так, что у членов артели формируются, вырабатываются, укрепляются черты характера доброго общественника. Именно поэтому русские люди охотно работали артелью.

15 ноября 1995 г. принят Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», а 10 апреля 1996г. – Закон «О производственных кооперативах». Это первые законы об отечественном предпринимательстве, которые дают возможность вести хозяйственную деятельность, взяв за основу традиции русской артели, то есть, встать на путь построения значительного сектора экономики на собственной основе, а не пытаться создать так называемый «средний класс». Дело в том, что этих законах кооператив равнозначен в юридическом смысле артели. Можно создать кооператив, а можно и артель.

Но в этих законах практически не раскрыт механизм функционирования артели, например, обеспечение равных условий для заработка, методика принятия единогласных решений, методика раздела заработка между членами артели и другое. Для того, чтобы создать настоящую артель, нужно знать историко-правовые отношения артели с потребителями и заказчиками ее продукции и между членами артели. Какие черты характера, какие душевные качества формировались у артельщиков, если заработок делился по трудовому вкладу каждого в конечный продукт?

Поэтому первая задача – усвоить в полной мере все ценное и истинное, что уже добыто предыдущими поколениями русского народа, в том числе и в советское время, а вторая – прибавить к этому свое, хотя бы одно зернышко.

- Осипов Н.О. Пособие для устройства промышленных артелей с проектом образцового Устава и с приложением Уставов 22 артелей. – с. 1-2.

Лучший заказ – когда твоего дела от тебя ждут

Если бы лучше понимать то, о чем толкует другой, меньше было бы разногласий; если бы лучше понимать себя, их не осталось бы почти вовсе.

Одиночество преодолевается не единением, а пониманием.

Александр Круглов

ОБЩИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА РУССКОГО ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

*В общине и в артели всё на порядках, всё на согласии.
Народная мудрость*

Любой народ в результате своего исторического естественно-социального развития, т.е. в процессе взаимодействия с природой и людей друг с другом, создаёт собственную основу жизнеустройства. Если основа правильна, то народ жизнеспособен, если неправильна – народ либо вымирает, либо рассеивается и ассимилируется другими народами.

По моему мнению, основой жизнеустройства русского народа является искание правды и установление *отношений «по правде»* [о] между людьми своего народа, между русским народом и другими народами, между людьми и природой. «Не в силе Бог, а в правде» и «Всё минется, одна правда останется», – считал и считает русский народ. Впрочем, в то же время есть и суждение, будто бы исключаящее предыдущие: «Велика святорусская земля, а правде нигде нет места».

Посему первая наша задача – узнать, понять и усвоить всё ценное и истинное, что добыто предыдущими поколениями русского народа, в том числе и в советское время, а вторая – прибавить к этому хотя бы одно своё зернышко.

Иными словами, это, в том числе, значит: узнать, понять, как строилась жизнь русского народа на основе отношений «по правде», как складывались такие отношения, как в наше время строить жизнь на их основе.

Отношения «по правде» складывались в общине. Исследованиями крупного историка конца XIX века Н.П.Павлова-Сильванского установлено, что общинный строй на Руси существовал с древнейших времён: «От доисторической древности до XII в. – основным учреждением является община, или мир, мирское самоуправление, начиная с низших самоуправляющихся вервей [1] до высшего самоуправляющегося союза: земли, племени, с полновластным народным собранием, вечем. Этот мирской строй идет из глубокой древности, связываясь с древнейшими союзами родовыми; он сохраняется и в киевскую эпоху, когда пришлые князья со своими дружинами и с посадниками являются элементом, наложенным сверху на строй мирского самоуправления, и вече сохраняет свою суверенную власть, призывая князей и изгоняя их, «указывая им путь».

Во втором периоде, с XIII до половины XVI в., основное значение имеет крупное землевладение, княжеская и боярская вотчина, или боярщина-сеньория. Мирское самоуправление сохраняется в ослабленном значении: оно живет и под рукою боярина на его земле.

Но центр тяжести отношений переходит от мира к боярщине, к крупному землевладению, и на основе его развивается удельный феодальный порядок.

*Наконец, в третьем периоде, XVI–XVIII и частью XIX в., основным учреждением является **сословное государство**. Этот период распадается на две тесно связанные между собою половины: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя.*

*В течение этих трех периодов последовательно сменяют одно другое в качестве основных, преобладающих над другими элементов порядка три учреждения: **1) мир, 2) боярщина, 3) государство**.*

Последний, государственный, период замыкается переходной эпохой разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка» [2].

Община была основным социальным и хозяйственным институтом русского народа на всём протяжении его исторической естественно – социальной жизни до революции 1917 года. И в начале XX века крестьяне заключали договора на работу артелью (артель – это подвижная община). В искажённом и урезанном виде общинный строй существовал и в СССР под названием «социализм».

Основными социальными характеристиками общинного строя являются: а) мир, мирское самоуправление; б) общинное землевладение, или землепользование с периодическими переделами земли.

Мир, мирское самоуправление

До XIII века русская община охватывала обширную территорию волости. Во главе волости-общины стоял выборный староста или сотник, сотский. Волостной староста действовал по уполномочению волостного мира, с «мирского совету». Решения принимались «старостою и всеми крестьянами» единогласно.

Способ (процедура) принятия решений – одна из важнейших социальных характеристик общества. Любое дело, любая деятельность начинается с принятия решения. В общине решения принимались не голосованием, не большинством голосов, а *соборно*. Яркое описание сходки сельской мирской общины приводит С.М.Степняк-Кравчинский [3]. Из его описания следует, что традиционный процесс принятия решения включал следующие процедуры: Собирал мир тот, кому надо было решить какой-то вопрос. Староста не имел права чинить тому препятствий, иначе мог быть отрешён от должности.

Вопрос на обсуждение выносил любой член общины, поскольку председателя не было, о причине сбора сообщал тот, кто созывал сход, который их нанимал?

Кто у кого воровал: рыбаки у купца или купец у рыбаков?

Где источники социальной напряжённости в отношениях между купцом и рыбаками?

Почему рыбаки соглашались на невыгодные условия ловецкого контракта? Почему артель рыбаков не могла ставить условия купцу, Сход был доступен, собирался под открытым небом, например, у дома старосты, у церкви; охраны не было, никакой пропуск не требовался.

Участие в сходе принимали все полноправные члены общины, мужики. Каждый принимал участие в обсуждении и выработке решения (в сложных случаях сходка разбивалась на группы, в которых все могли высказать своё мнение, предложение, вникнуть в доводы других, вырабатывались групповые предложения). Групповые предложение обсуждали, на их основе вырабатывали единодушное решение, которое получало одобрение мира (общины) и примиряло все стороны. В этом единодушном решении, в выработке единой воли и проявлялась *соборность*.

Сотский и *мир* заведовали раскладкой и сбором податей. Общая сумма податей и повинностей налагалась правительством на волостную общину, которая самостоятельно определяла долю, причитающуюся с каждого волощанина соответственно его имуществу. Раскладка и сбор податей самим миром обеспечивала справедливость этой разверстки, предохраняя членов общины от непосильных поборов по злоупотреблению властей. Община была ответственна за оплату общей суммы податей круговой порукой: за неимущих платили имущие, за ушедших – оставшиеся на месте. Правительственные чиновники отстранялись от этого дела совершенно.

Волостная община ведала и судебными делами. Княжеские наместники должны были вести судопроизводство вместе со старостами и добрыми людьми, а по «Судебнику» 1551 года с *целовальниками* [4]. Это древнее правило подтверждается судебниками и многими уставными грамотами. Низший суд был всецело судом мирским, как и в сельской общине конца XIX века. Этому суду подлежали гражданские дела, касавшиеся общинных угодий, споры относительно лугов, бобровых ловищ, бортей, выгонов, изгородей, болот, вод, улиц, дорог и проч., а также и споры о праве собственности на имущества в пределах общинной территории. Общинным судом разбирались также некоторые уголовные дела, посягательства на личную честь и телесную неприкосновенность (обида и побои). Сельский суд играл главную роль как орган народного правосудия; все дела у крестьян разбирались сначала сельским судом, и только при несогласии сторон подчиниться его решению дело переходило в волостной суд. Но почти девять десятых подобных дел разбирались на общинных сходках.

На общине лежала круговая ответственность за некоторые преступления, случавшиеся на общинной территории. Если на волостной земле находили убитого человека, волость была обязана отыскать убийцу, в противном случае платила «вину» или «виру» – денежную пеню. В общей ответственности членов общины за

преступления проявляются, как и в податной круговой поруке, тесные общинные связи [5].

Общинное землепользование. До XIII века общинного землевладения с периодическими переделами земли не было, переделы возникли, когда крестьяне земельно были утеснены боярами. Волощане владели землёю как собственностью. Но с частным землепользованием соединялось общинное. В нераздельном общинном владении были леса, пастбища, луга, болота, торфяники, дороги и тропинки, бортные ухажай, рыбные ловли, общие воды, мосты, значительная часть угодий и пустоши (покинутые собственниками участки). Распоряжалась этими землями волостная община. *«Мне тот лес дала волость, староста со крестьяны»*, – писали в грамотах крестьяне. Владение участком волостной земли обуславливало обязанности и права волощанина. Бояре и монастыри, приобретая волостные деревни и дворы, должны были «тянуть данью и судом к волости» и только особыми жалованными грамотами великих князей могли быть освобождены от власти мира и волостного старосты.

Общинные союзы, волости, широко развитое самоуправление этих органически сложившихся территориальных союзов были главной основой древнейшего государственного строя. Государственная власть, власть князя с его наместниками была как бы надстройкою над самоуправляющимися общинами. Большая часть функций управления осуществлялась миром и выборными мирскими представителями. *Владельческие* крестьяне наследственно владели участками господской земли, пользовались ею как самостоятельные хозяева, уплачивая большей частью очень тяжёлые оброки и пошрины, а частью – выполняя барщинные работы, и пока они жили на господской земле, должны были подчиняться суду и управе господина. Однако власть господина была ограничена крестьянским миром, крестьянской общиной. Господский приказчик не был полновластным управителем, его власть была ограничена выборным старостой и мирскою сходкою общины. Волостная община – родоначальник сельской общины XIX века.

Посадские люди. Права и обязанности городского сословия теснейше связаны с городским общинным самоуправлением. В городах было то же мирское самоуправление, то есть община, существо которой было одно как в городах, так и в сёлах России. В посадской общине, точно так же, как и в крестьянской, были выборные власти, старосты, десятские, сотские и мирской посадский сход. Городская община ведала взиманием и раскладкой податей, позволяла дворянам и духовенству приобретать земли в городе с тем условием, что они будут платить подати наравне с посадскими людьми.

Земский собор. На земских соборах участвовали представители от трёх «чинов» – духовенства, дворянства, посадских людей и только

отчасти от крестьян-представителей общин, не подпавших под власть господ.

Земские соборы созывались для обсуждения вопросов законодательства, суда, управления, внешней политики... Однако созыв собора и формулировка поставленных вопросов, как правило, всецело зависели от воли государя. Только соборы, созывавшиеся для выбора государя, действовали как властные учреждения и принимали решения, имевшие обязательную силу. Обычные же соборы как будто имели только совещательное значение. Однако на деле они проводили свои предложения в области законодательства в виде петиций и жалоб (челобитий), а также в виде права заявлять государю о своих сословных нуждах и пожеланиях. Челобитья выработывали на совещаниях представителей каждого чина, а заключения по поставленным на обсуждение вопросам давали порознь от каждого чина. Так появлялась возможность чётко сформулировать интересы сословий и публично представить их на рассмотрение собора и государя.

В результате земские соборы Смутного времени сыграли в истории колоссальную роль. Дворянство и горожане, своими челобитьями провели в закон статьи, которые охраняли их сословные интересы.

Сельская община XIX века

Вторая социальная характеристика общинного строя – это общинное землевладение с переделами земли.

Вот как описывает нормы социальных отношений между крестьянами и практику передела земли, бытовавшую в XIX веке, С.Н. Максимов [6]:

Земля, лес, луга, воды пребывают в общем пользовании. Земля, принадлежащая деревне – общая, то есть не принадлежит никому в частности. Так повелось с древнейших времён. Лес в большинстве деревень тоже общий. Если к селению подошла река или рядом разлилось озеро, рыбу ловят всей деревней и делят потом на каждый дом поровну. Всякий может пользоваться для себя, продать нечего: никто не позволит, а покупать никому не доводится.

И выгоду, и тяготы, и хорошее, и плохое – всем поровну. Пахотную землю делят на участки, и косяк этот принадлежит кому-либо только до того времени, когда подойдет срок нового общинного передела. Крестьянин может «сесть» на другую полосу и непременно сделает это, если у него была земля лучше, чтобы этой лучшей пахотой пользовался теперь другой, чтобы было всем ровно, чтобы была правда [7], чтобы привелось каждому, по очереди, поплакаться на худой земле и воспользоваться корыстью на хорошей.

Итак, приходит время делить землю. Впереди мерщики с веревкой – те мужики, которым больше верят и которых уважают за любовь к правде.

Мерщики вышли на поле. «Обшли веревкой полосу, вымерили ее в квадрате – приблизительно десятин в шесть и четыре. Это – курень, корчага. Её опять веревкой разделили на две равные части: на худую землю и хорошую. Делятся две стороны: одна сильная семья по неписанному, по непререкаемому закону имеет право выбирать первую – берет лучшую, то есть любки. Другая остальную – невыбранную. Когда заметят другую корчагу, та сторона, которая взяла любки, берет теперь остальцы – землю похуже. А худую и хорошую землю вся деревня от мала до велика знает как свои пять пальцев.

Но вот такой дележ не сладился – утром в деревне не уговорились на нем: пошли на бирки, по жребью пытаться счастья.

Для жеребьев разбили землю на осьмушки и полосмушки, и у каждой свое имя: перелесье, зыбок (болотинка), забежин кус, колос и т. п. На каждый кусок земли нарезана особая бирка на палочке со знаком участка. Толков, недоумений, рассуждений при этом не оберешься: всякий галдит свое. Бывает, что побранятся и подерутся. С сердечным трепетом опускают в шапку руку, ищут в темноте ту бирку, которую хочется. Кто обжегся на зыбке и болотной трясине, тот и брови насупил, и несчастливой рукой полез в затылок. Другой даже закричал и перекрестился: значит, хоршее вынул, может быть, и перелесье. Третий выговорил три бирки и все три вынул неладные. Вот почему старики от жеребьевого порядка дележа земли всегда отговаривают: идите-ка в поле, да и выбирайте любки».

Артель. Артели действовали во многом сходным образом. Вот рассказ о лесной артели из книги П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» [8].

Лесные артели достигали численности десять-двенадцать человек и более. За неделю либо за две до лесованья артель выбирала старшего: смотреть за работой, ровнять в деле работников и заправлять хозяйством в зимнице. Старшой, иначе «хозяин», распорядился всеми работами, и воля его непрекословна. Он вёл счет срубленным деревьям, натёсанным брусьям, он же наблюдал, чтобы кто не отстал в работе, **не вздумал бы жить чужим топором, тянуть даровщину...**

Пока артельщики завтракали, приехали люди, которые заблудились, сбились с дороги. Они обратились к «хозяину» артели, дяде Онуфрию, чтоб кто-нибудь показал им дорогу. Но оказалось, что по порядкам артели этого сделать нельзя.

«– Что ж артель?.. Отчего нельзя? – с недоумением спросил Патап [9] Максимыч <купец, который заблудился со спутниками>.

– Да как же?.. Поедет который с тобой, кто за него работать станет?.. **Тем артель и крепка, что у всех работа вровень держится, один перед другим ни на макову росинку не должен переделать или недоделать...** А как ты говоришь, чтоб из артели кого в вожатые дать, того никоим образом нельзя... Тот

же прогул выйдет, а у нас прогулов нет, так и сговариваемся на суйме, чтоб прогулов во всю зиму не было.

– Да мы заплатим, что следует, – сказал Патап Максимыч.

– А кому заплатишь-то?.. Платить-то некому!.. – отвечал дядя Онуфрий. – Разве возможно артельному леснику с чужанина хоть малость какую принять?.. Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны?.. Да вот я старшой у них, «хозяин» называюсь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат, да такую вспарку зададут, что и-и... У нас на это строго.

– Мы всей артели заплатим, – сказал Патап Максимыч.

– **Это уж не мое дело, с артелью толкуй. Как она захочет, так и прикажет, я тут ни при чем,** – ответил дядя Онуфрий».

Артель собралась. Спросила дядю Онуфрия, зачем звал; тот указал на Патапа Максимыча, который изложил свою просьбу.

Артель загалдела, сказали, что из артели работника брать нельзя.

Насилу втолковал им Патап Максимыч, что артели ущерба не будет, что он заплатит цену работы за весь день. Сулил артели Патап Максимыч целковый за проводника, – и слушать не хотели. Как, дескать, наобум можно ладиться. **Надо, говорят, всякое дело по чести делать, потому – артель.**

«Потерял терпенье Патап Максимыч. Так и подмывает его обойтись с лесниками по-свойски, как середь своих токарей навывк... Да вовремя вспомнил, что в лесах этим ничего не возьмешь. Не такой народ, окриком его не проймешь. Однако ж не вытерпел, крикнул:

– Да берите, сколько хотите... Сказывай, сколько надо?.. За деньгами не стоим... Хотите три целковых получить? Говорите же, сколько надо вам за проводника?

Зачала артель галдеть пуце прежнего. Спорам, крикам, бестолочи ни конца, ни середки... Видя, что толку не добиться, Патап Максимыч хотел уже бросить дело и ехать на авось. Один из артельщиков, Захар, считавший все время по пальцам, назвал цену – пять целковых.

– Да ведь ты на всю артель считаешь, а поедет с нами один, – возразил Патап Максимыч.

– Один ли, вся ли артель, это для нас все единственно, – ответил Захар. – **Ты ведь с артелью рядишься, потому артельну плату и давай...**

– Кто дорогу укажет, тому и заплатим, – молвил Патап Максимыч.

– Этого нельзя, – заголосили лесники. – Деньги при всех подавай, вот дяде Онуфрию на руки».

Затем выяснилось, что приезжие оставляют волочки – верх повозки, обитый циновкой: намело много снега, и волочки задевали бы

ветви деревьев. Дядя Онуфрий сказал, что их надо скостить – лишнего артели не надо.

Волочки оценили в два рубля. Когда Патап Максимыч отдал бумажку дяде Онуфрию, тот поглядел её на свет (ходило много фальшивых денег), показал каждому леснику, даже Петряйке (юноша, который готовил еду для артельщиков). Каждый пощупал её, потер руками и посмотрел на свет: **в артели надо, чтоб все видели.**

«– О чем же спорили вы да сутырлили [10] столько времени? – сказал Патап Максимыч, обращаясь к артели. Сулил я вам три целковых, об волочках и помина не было, у вас же бы и остались. Теперь те же самые деньги берете. Из-за чего же мы время-то с вами попусту теряли?»

– А чтоб никому обиды не было, – решил дядя Онуфрий. – Теперича, как до истинного конца дотолковались, оно и свято дело, и думы нет ни тебе, ни нам, и сомненья промеж нас никакого не будет. А не разберись мы до последней нитки, свара, пожалуй, в артели пошла бы, а это уж последнее дело... У нас все на согласе, все на порядках... потому – артель».

Патап Максимыч попросил, чтоб его проводил лесник, который лучше всех знает дорогу. Оказалось, что дорогу хорошо знают все, а один, Артемий, лучше других. Патап Максимыч решил, что Артемий с ними и поедет. Но снова оказалось, что этого нельзя. Потому – артель: кому жребий выпадет, тот и поедет. Жребий выпал Артемию.

Потом купец решил взять ещё одного провожатого: в пути всяко случиться может – сани в снегу застрянут или что другое. На сей раз жребий выпал Петряю. Заметив, что артель этим недовольна (поскольку может остаться без ужина), Патап Максимыч (от юноши помощи мало) предложил вместо Петряя выбрать другого. Однако и это было никак невозможно, потому – артель: выпал жребий Петряйке, значит, ему и ехать.

«– Да не всё ль равно, что один, что другой? – сказал Патап Максимыч.

– Оно, конечно, всё едино, да уж такие у нас порядки, – говорил дядя Онуфрий. – Супротив наших порядков идти нельзя, потому что ими артель держится».

Патап Максимыч решил взять третьего провожатого. Третьим выпало ехать самому дяде Онуфрию. Но тем дело не кончилось: надо было выбирать на место уезжавшего Онуфрия старшего. Тут уж такой шум да гам поднялись... Дядя Онуфрий не участвовал в разговоре лесников: **на сей момент он не в артели, как знают, так и решат, а его дело – сторона.** Не скоро сговорились лесники, снова пришлось кидать жребий. Выпало краснощекому, коренастому парню. Он, дотоле стоявший как немой, живо начал командовать...

«– Так вот она какова, артель-то у них, – рассуждал Патап Максимыч, лежа в санях. – Меж себя дело честно ведут, а попадись посторонний, обдерут, как липку... Ай да лесники!.. А бестолочи-то что, галденья-то!.. С час места попусту проваландали, а кончили тем же, чем я зачал... Правда, что артели думой не владати... На работе артель золото, на сходке хуже казацкой сумятицы!..

– Эка, парень, бестолочь-то какая у вас, – заговорил Патап Максимыч с Артемьем. – Неужель у вас завсегда такое галденье бывает?

– **Артель!** – молвил Артемий. – **Без того нельзя, чтоб не погалдеть... Сколько голов, столько умов... Да еще каждый норовит по-своему. Как же не галдеть-то?**

– Да вы бы одному дали волю всяко дело решать, хотя бы старшому.

– **Нельзя того, господин купец, – отвечал Артемий, – Другим обидно [11] станет. Ведь это, пожалуй, на ту же стать пойдет, как по другим местам, где на хозяев из-за ряженной платы работают...**

– Ну да, – ответил Патап Максимыч. – Толку тут больше было бы.

– **Обидно этак-то, господин купец, – отвечал Артемий. – Пожалуй, вот хоть нашего дядю Онуфрия взять... Такого артельного хозяина днем с огнем не сыскать... Обо всем старанье держит, обо всякой малости печется, душа-человек: прямой, правдивый и по всему надежный. А дай-ка ты ему волю, тотчас величаться начнет, потому человек не ангел. Да хоша и по правде станет поступать, все уж ему веры не будет и слушаться его, как теперь, не станут. Нельзя, потому что артель суймом держится.**

– А в деревне как у вас? – спросил Патап Максимыч.

– В деревне **свои порядки** [12]. артель только в лесах, – отвечал Артемий.

– Как же она у вас собирается? – спросил Патап Максимыч.

– Известно как. Придет осень, зачнем сговариваться, как лесовать зимой, как артель собирать. Соберется десять либо двадцать топоров – больше не бывает. Наберутся скоро, потому что всякому лесовать надо, без этого деньгу не добудешь... Ну, соберутся, зачнут друг у друга спрашивать, кому в хозяевах сидеть... Так и толкуем день, два, ину пору и в неделю не договоримся... Тут-то вот галденья-то послушал бы ты... Тогда ведь вино да хмельное пиво пьют, народ-от в задоре, редко без драки обходится... Положат, наконец, идти кланяться такому-то – вот хоть бы дяде Онуфрию... Как согласился, тотчас складчину по рублю аль по два – значит, у лесничего билеты править да попенные платить. А которые на купцов работают, те старшого рядится посылают. Это уж его дело.

Оттого и выбирают человека ловкого, бывалого, чтоб в городе не пропал и чтоб купцы его не больно обошли, потому что они народ дошлый, всячески норовят нашего брата огреть. Как выехали из деревни за околицу, старшой и стал всему делу голова: что велит, то и делай. А коли какое стороннее дело подойдет, вот хоть бы ваше, тут он ни при чем, тут уж артель, что хочет, то и делает.

– А расчеты когда? – спросил Патап Максимыч.

– После Евдокии-плющихи, как домой вернемся, – отвечал Артемий. – У хозяина кажна малость на счету... Оттого и выбираем грамотного,

чтоб умел счет записать... Да вот беда, – грамотных-то маловато у нас; зачастую такого выбираем, чтоб хоть бирки-то умел хорошо резать. По этим биркам аль по записям и живет у нас расчет. Сколько кто харчей из дома за зиму привез, сколько кто овса на лошадей, другого прочего – все ставим в цену. Получим заработок, поровну делим.

– А без артели в лесах работают? – спросил Патап Максимыч.

– Мало, – отвечал Артемий, – Там уж не такая работа. Почитай и выгоды нет никакой... Как можно с артелью сравнить! В артели всем лучше: и сытней, и теплей, и прибыльней. Опять же завсегда на людях... Артелью лесовать не в пример веселей, чем бродить одиночкой или в двойниках».

Не менее интересен рассказ о рыбацких артелях, вложенный И.П. Мельниковым в уста купца Смолокурова.

Дело ведётся так. Купец «снимает» (арендует) воду и сдает её ловцам, искать которых не надо, сами нагрянут: знай, выбирай, кому отдать. Народ бедный, кормиться тоже надо, а к другим промыслам непривычен. С каждой артелью рыбаков пишется «ловецкий контракт», по которому ловцы всю рыбу, что ни наловят, сдают купцу со скидкой десяти аль двадцати копеек с рубля. А так как ловцов много, сдача идет наперебой, и они по двадцати да по двадцати пяти копеек скидывают. Купцу барыш в руку и лезет. А, кроме того, икра да вязига хозяину даром.

Верных людей купец рассылает «разъездными» в косных (лодках) по снятым водам: наблюдать за ловцами, потому что ловцы – народ вороватый. Купец рассказал о двух случаях, как его самого ловцы провели.

Едет он в косной, навстречу другая, глядит – его ловцы. Разъездной тотчас в лодку, щупом везде пробует: нет ничего. А тут баба с ребёночком: кричит, сердечный, так и заливается, есть хочет, а у матери-то молока, видно, мало. Пододвигает она к себе кринку, разъездной было за неё, а баба жалобно говорит, что это молочко маленькому в кринке-то. Разъездной хочет кринку раскрыть. А купцу

жалко стало ребёночка, не велел трогать. А после узнал, что в кринке была икра.

Другая баба его обманула ещё более хитрым способом. Входит он на косную, а баба сидит, грудью младенца кормит, укачивает его. Разъездной к ней, хочет раскрыть на ребёнке одеяло. Баба же тихо и покорно, чуть не со слезами, говорит ему: мол, младенец у нее хворенький, только что закачала его – потревожишь бедненького. Велел купец бабу в покое оставить. После же услышал, что какие-то ловцы диковинную, редкостную стерлядь продали, фунтов в двадцать весом [13]. Самую ту рыбку бабёнка у груди и держала.

– А думается мне, – сказал Патап Максимыч, – что меньше от них плутовства-то было бы, когда бы ряду [14] повыгодней для них писали. Плуты они, мошенники! Не навек к плутовству, нужда доводит. Как ловцу по чести жить? И честь ведь не в честь, коли нечего есть! [15].

Изменились ли отношения между собственниками и наёмными работниками в наше время?

Почему и сегодня наёмные работники соглашаются на невыгодные условия работы?

Н.О. Осипов писал, что артель «...означает такую совокупность человеческих отношений, которые вполне присущи русскому национальному характеру, находятся в неразрывной связи со всем строем хозяйственно-экономического быта нашего народа... Форма русской артели есть бытовая форма: ее связывают экономические и хозяйственные условия народного быта, потому союз артельный гораздо прочнее союза товариществ. Артель, собственно говоря, не есть учреждение, а скорее бытовое, общинное явление, свойственное характеру и обычаям русского народа» [16].

Как мы видим, в артели не только создавался продукт, оказывались услуги, но происходило становление и совершенствование человеческой личности самой по себе и как члена общества. Обобщая, можно сформулировать следующие социальные характеристики артели.

Артель создавала продукт для удовлетворения насущных потребностей людей. Сущность артели – её продукт – и есть критерий, по которому нужно судить о нравственной направленности деятельности артели. А сущность человека – это его душа. Насущные, а, лучше сказать, сущностные нужды – те, удовлетворение которых служит спасению души. И относится это к духовным, душевным и телесным потребностям в равной степени.

Верховная власть принадлежит общему собранию. Исполнительные органы – это те же артельщики, которые выполняют решения общего собрания.

Один человек – один голос. В артели каждый её член на общем собрании имеет один голос независимо от того, каков его пай в капиталах артели.

Личный труд. Труд как духовная, душевная и телесная деятельность и есть творчество.

Именно в процессе труда происходит совершенствование человека. Но происходит это только тогда, когда он создаёт продукт для удовлетворения сущностных потребностей человека. В артели каждый имеет право на то, чтобы у него была работа, по сложности и по объёму равноценная той, которую делают остальные члены артели.

Круговая порука. При нанесении убытков заказчику, потребителю артель отвечает как всем своим артельным, так и личным имуществом её членов.

Отсутствие узкой специализации. Артельщик должен был уметь выполнять все работы, необходимые для производства конечного продукта артели, и каждый мог со временем стать мастером. Многообразие трудовых навыков – одно из условий совершенствования человека.

Принятие решений единодушным голосованием. Решения не принимаются большинством голосов. Голосование вообще не проводится, происходит обсуждение, которое продолжается до тех пор, пока члены артели не находят правильного, с их точки зрения, решения (аналогично тому, как это происходило в общинах).

Раздел заработка [17]. В артелях или всех ровняли в работе, а заработок делили поровну, или его распределяли, исходя из трудового вклада каждого в конечный продукт. Долю каждого члена обсуждали и утверждали на общем собрании артели.

Каждый собственник, хозяин и работник. Артель нанималась на работу к работодателю, и по отношению к нему члены артели были наёмными работниками. Но внутри артели все были равны. Каждый был *сохром* [18] (собственником, хозяином и работником одновременно).

Капиталы артели. Отчисления в капиталы артели производились из заработка каждого члена артели. Принципиально важно, что именно из заработка, а не из «заработной платы», которую кто-то кому-то платит. При таком способе образования капиталов точно известна доля каждого в капиталах артели. Деятельность артели осуществлялась «по правде» как с заказчиками, так и между членами артели. Артельные правила действовали так, что у членов артели формировались, вырабатывались, укреплялись черты характера доброго общественника. Именно поэтому русские люди охотно работали артелью.

Отношения «по правде» с природой

Условием установления отношений «по правде» с природой был универсальный характер хозяйственной деятельности крестьянина и его семьи. Крестьянин – пахарь и агроном, решавший, когда сеять, убирать, хранивший урожай – зерно, овощи; ветеринар и животновод, ухаживавший за животными, лечивший их; мастер, который строил и

ремонтровал избу, хозяйственные постройки, изготавливал почти все орудия труда, плёл лапти и валял валенки, ткал холсты и полотно, проводил дороги, строил мосты, делал сани, телегу, борону и соху; художник, украшавший резьбой и избу, и домашнюю утварь, и орудия труда; воспитатель и учитель, приучавший детей к труду, – имел дело с лесом, пашней, лугами, болотами, реками, озёрами.

И жил русский человек в местности, лишённой резких ландшафтных контрастов, на громадной холмистой равнине с недостижимой далью горизонта, соединённой реками в единое целое, лишённой тех «перегородок» гористых местностей, что разделяли народы того же Кавказа. Под стать пейзажу и климат наш с ярко выраженными временами года, суровый, но не угнетающий человека скудостью пустыни, не расслабляющий роскошью тропических лесов. Постигая в своей хозяйственной практике взаимоувязанность, согласованность всех элементов природы, их «общинную» жизнь, он постигал отношения «по правде» в природе. Крестьянин видел, что в природе господствуют согласие и слаженности. Особо отметим, что только у русского народа традиционная община сохранилась до начала XX века, в то время как даже у немцев их община («марка») исчезла рано, и немецкие историки поняли германскую марковую общину только после того, как познакомились с русскими общинными порядками (А. Гакстгаузен в 1843 году, Г. Маурер – в 60-70-е гг XIX в.).

Какие же выводы мы можем сделать, осмысливая наш естественно-социальный опыт, и что полезного можем почерпнуть из него для устройства сегодняшней жизни?

1. Община и артель представляют собой способ организации самого народа, исторически сформировавшийся тогда, когда народ непосредственно принимал решения о том, как именно обустроить ему свою жизнь, а администрацию выбирал и лишь уполномочивал исполнять принятые им решения. И в случае, если избранные лица нерадиво вели дело, они в любой момент могли быть отрешены от должности.

2. Ныне ситуация прямо противоположная. Современные чиновники, государственный аппарат организован (плохо или хорошо, но организован, сплочен). Народ же – аморфная масса, которую увлекают на избирательные участки, где он якобы может изъяснить свою волю. Изъявил, и на этом его «воля» кончается. Он сталкивается с полным отсутствием прямой информации о своих правах, об обязанностях чиновников, которых не выбирают голосованием, но назначают избранные губернаторы, президенты.

Единственное, что может делать народ, – возмущаться своеволием чиновников, администрации, стоя в очередях в РЭУ, в МУСЗН, в паспортном столе милиции, поликлинике, в магазине и в других местах. Возмущаться тем, что не делаются самые простые, очевидные дела, призванные обеспечить порядок, облегчить жизнь.

Возмущаться, обсуждая позорный прожиточный минимум. Возмущаться несправедливостью наёмных работников.

Но возмущается народ, так сказать, «про себя»: у него даже нет права на то, чтобы собраться и публично, законно – как на старинных Земских соборах – выразить свои пожелания, чаяния, отношение к той же приватизации, к олигархам районного и российского масштаба, ко всему тому, что творится в нашем многострадальном государстве. Неужели единственный способ добиться своего – голодать, требуя, чтобы людям выплатили их нищенскую зарплату? Конечно, шахтёры могут стучать касками на Горбатом мосту, учёные – протестовать, работники образования – устраивать митинги и забастовки. Но подобными акциями так называемую элиту не проймёшь. Быть может, современные партии, профсоюзы являются выразителями воли и интересов тех, от имени кого они выступают? Да одних только партий у нас сто восемьдесят, а толку? Опыт уже убедил, что все эти ярые «защитники» народа в первую очередь блюдут свои собственные интересы да наживают политический и денежный капитал.

Отсюда – **третий вывод**: необходима такая самоорганизация народа, чтобы в полном соответствии с Конституцией он мог осуществить свою власть непосредственно, а государственному аппарату и чиновникам оставалось лишь выполнять народную волю. И вот здесь есть над чем задуматься, о чём поразмышлять, осмысливая опыт общинного жизнеустройства.

Примечания:

[0] - Термин наш. – А.М

[1] - Вервь – подразделение общины, куда вступали по воле за круговой порукой, род артели, главнейше для уплаты князю дикой виры, или за убийцу, которого вервь не хотела выдать.

[2] - Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М., 1988.

[3] - Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. – Лондон, 1885. – Пер. с англ. – М., 1965.

[4] - Целовальник – человек, присягавший целованием креста.

[5] - Автор, возможно, несколько идеализирует положение дел: позднее, приблизительно в XVII-XVIII вв., начинается активное наступление царской власти на сельскую общину с целью максимально ликвидировать традиции общинного самоуправления. Примером тому могут служить многочисленные нормативные акты – такие, как, скажем, «Наставления» волостным судам от 1786 г. Подобные акты появлялись приблизительно раз в десять лет. – *Прим. ред.*

[6] – Максимов С.Н. Куль хлеба и его похождения. – М., 1982.

[7] – Здесь и далее выделено авт. – А.М.

[8] – Мельников П.И. (А.Печерский). В лесах: Кн. 1. – М., 1956.

[9] – Так у Мельникова. – *Прим. авт.*

[10] – Сутырь – бестолковый спор.

- [11] – Обида – согласно «Толковому словарю» В.И. Даля, «всякая неправда, тому, кто должен переносить ее; всё, что оскорбляет, безчестит и порицает, причиняет боль, убыток, поношение. Кривосуд; брань, побои; насмешка, дурной отзыв о ком; лишение всего достояния, имущества, барышей и пр.».
- [12] – Общинные. – *Прим. авт.*
- [13] – 1 фунт = 450 г.
- [14] – Т.е. контракт.
- [15] – Мельников-Печерский П.И. В лесах: Кн. 2. – М., 1956.
- [16] – Осипов Н.Ф. Пособие для устройства промышленных артелей с проектом образцового Устава и с приложениями Уставов 22 артелей. – СПб., 1897.
- [17] – Не распределение, а именно «раздел» – это термин исторический. – *Прим. авт.*
- [18] – Термин наш. – *Прим. авт.*

Шурман М. Б.

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА КАК КРИТЕРИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Образование: историческая логика развития

Ставшие в последнее время модными дискуссии о *гуманизации образования* сфокусированы на первом из этих двух слов. Решается вопрос: «Как гуманизировать образование?». Объект предполагаемой гуманизации, т.е. образование, играет в этой формуле роль параметра, которым манипулируют как величиной определенной – и притом заведомо допускающей такие манипуляции (подобно тому, как любое неотрицательное число позволяет извлекать из себя квадратный корень). Нам представляется полезным еще раз рассмотреть саму систему образования, поскольку имеются большие сомнения в принципиальной возможности ее гуманизировать, т. е., говоря по-русски, очеловечить, – сомнения, основанные на вот уже вековом общемировом опыте практически безуспешных усилий в этом направлении.

Итак, временем создания системы образования можно считать 18-19-й века, когда в странах Западной Европы, с одной стороны, резко расширилась подготовка кадров государственных служащих и персонала для промышленности, финансов и т.д., а с другой стороны, потребовались заведения, где можно было бы содержать массу детей, матери которых заняты на работе.

Так возникли два основных типа школ.

Очевидно, только школы первого типа, осуществляющие начальную подготовку кадров, можно назвать образовательными

учреждениями: по их образцу были организованы средние специальные и высшие учебные заведения, выпускавшие «готовых к употреблению» высококвалифицированных служащих. Проект этого типа учреждений был разработан в 17-м веке Я.А. Коменским как раз с целью массовой подготовки госслужащих для Чехии, добивавшейся независимости от германских государств. Реализация проекта потребовала дополнить его всего одной, но важной деталью, а именно – *принципом отсева*.

Дело в том, что Коменский, считая христианскую добродетель обязательной для каждого человека (а для каждого чеха – такую разновидность христианской добродетели, как служение делу независимости Чехии), не предполагал, что господь может отказать кому-либо в способности приобщиться к искомой добродетели: стоит только наилучшим образом организовать процесс приобщения, и все охваченные им дети легко пройдут по всем ступеням образования – от материнской школы, через школу родного языка и гимназию, до академии – были бы материальные возможности и добрая воля родителей. Поэтому и отбраковка неспособных к обучению проектом не предусматривалась. На практике же она оказалась необходимой.

Школы второго типа – для массы детей рабочих – представляли собой в основном «камеры хранения». Их образовательная функция чаще всего сводилась к обучению детей чтению, счету и иногда письму – естественно, на религиозном материале. Исключение составляли школы, руководимые педагогами-энтузиастами, стремившимися приобщить «простых» детей к миру культуры.

Эти исключительные случаи, среди которых видное место занимает Яснополянская школа Л.Н. Толстого, и стали «первыми ласточками» *гуманизации*, но гуманизации... чего? Не образования: в систему образования они не вписывались изначально. Им были чужды фабрично-конвейерные принципы регулярного перевода детей из класса в класс, чёткого деления образовательного материала на предметы и темы, разбивки учебного процесса на стандартные отрезки – уроки, жесткого предметного профилирования учителей. В них оплата учительского труда не была привязана к формальным и объемным показателям. В этом – суть. Класс, урок, предмет, тема оказались не педагогическими, а чисто экономическими параметрами: ими определяются те самые общественно необходимые затраты учительского труда, на которые ориентируется его оплата. Отсев – всего лишь неизбежный для любого промышленного предприятия процесс отбраковки испорченных полуфабрикатов и продуктов на различных этапах работы. Как в школе, так и в специальных и высших учебных заведениях идет «карьерная тренировка» – конкуренция между учащимися, которая будет продолжена в их профессиональной работе. Наконец – и как раз в этом состоит антигуманность системы образования, – школа является для учащихся местом *подготовки к жизни*: сама жизнь, т.е. самостоятельная деятельность, её

планирование, пользование её результатами, их оценка, ответственность, постановка и решение возникающих проблем и т.п., – *откладывается* до получения аттестата или диплома.

Учащийся – такой же *полуфабрикат*, как и любой другой материальный продукт промышленного производства, требующий дальнейшей обработки. И, разделяя судьбу материальных предметов труда, которые рано или поздно превратятся в конечные продукты, т. е. в готовые к эксплуатации средства труда или предметы бытового потребления, – выпускники учебных заведений должны стать *профессионалами*, т.е. материальными *средствами чужого труда*, либо «домохозяйками» (предметами бытового потребления!), но почти никогда не могут стать полноценными людьми. Кроме того, «чудесное превращение» обычно происходит не в момент выпуска, а гораздо позже, – если происходит вообще.

Всё более массовый охват детей школьным образованием и постепенное усложнение его содержания на рубеже 19–20-го веков означали слияние двух типов школ в единую систему образовательных учреждений. Принцип отсева вступил в противоречие с принципом массовости, всеобщности. Это вело к конфликтам между школой и производством, а также между школой и семьей.

Производство нуждалось в квалифицированных, инициативных и ответственных кадрах, а эти требования непосильны для «человеческих полуфабрикатов», которые в большинстве своем никак не могут отвыкнуть от школярства.

В семье дети отчуждаются от родителей в силу того, что первые «готовятся к жизни», а вторые – уже живут (но их жизнь, в отрыве от детей, лишена смысла). В результате и взрослые, и дети оказываются в разных, но одинаково безжизненных мирах. Конфликт школы с производством привел в Европе к попыткам придать образованию практическую направленность (В.А. Лай, Г. Кершенштейнер); в США этот конфликт приобрел более широкое социально-политическое звучание и вызвал к жизни прагматическую систему Дж. Дьюи.

Институт семьи долго противостоял омертвляющему влиянию школы, используя любую возможность наладить совместную деятельность – т.е. жизнь! – родителей и детей. Но ко второй половине нашего столетия ресурсы сопротивления оказались исчерпанными. Семья как социальный институт мертва. Дети «отданы» в школу. Родители, оставшиеся таковыми лишь по названию, заживо хоронят себя в «делах», «хобби» и т.п.

Следовательно, современная система образования не имеет никакого отношения к человеку – ни к его специфически человеческой творческой деятельности, ни к его человеческим, в частности семейным, отношениям. Задача «гуманизировать» эту систему – не просто трудна; она даже невыполнима: она – бессмысленна. Когда педагогическая психология ставит перед собой задачу повысить *эффективность* и

комфортность образования, не углубляясь в вопрос: а что же она таким образом совершенствует, – она честно отработывает свою производственную программу. Но как только психолог, педагог, философ сознательно ставит задачу *гуманизации* образования в плоскости ее *практического* решения, – он перестает быть честным даже перед самим собой: он себе же отказывает в человечности. Правда, в большинстве случаев эту задачу ставят так же *полусознательно*, как и любую другую *профессиональную* задачу, смысл которой – вовсе не в ее действительном решении, а в обеспечении «фронта работ» тому или иному учреждению. Поэтому достаточно обоснованной представляется позиция В. В. Давыдова, высказанная им 4 марта 1998 года на встрече с педагогами, работающими по системе «развивающего обучения». На вопрос о том, как он – основной автор этой системы – решает проблему гуманизации, он ответил, что такая проблема перед ним не стоит.

2. Образование – личность – человек

Рассмотрим систему образования с точки зрения ее внешних условий. Какое общество создало её в качестве своего необходимого органа? Очевидно, это – общество, не только позволяющее своим членам быть пассивными, несамостоятельными, но прямо требующее от них именно таких личностных качеств. Пассивная личность – тоже «индивидуальный ансамбль общественных отношений», но только – *не своих собственных* отношений, не тех, в которые вступает с другими людьми данный индивид, а тех, которые осуществляют между собой другие субъекты по его поводу или через его посредство. Для такой роли как раз и нужно быть не действительным субъектом, а лишь *знаком субъекта*, т. е. «пакетом» документов, «удостоверяющих личность». Но, если личностно пассивным является подавляющее большинство индивидов, то в отношении по их поводу и через их посредство может вступать только *государство* – и только с самим собой (в лице различных органов и институтов).

Общество пассивных людей – это совокупность индивидов, не сотрудничающих друг с другом, а друг другу противостоящих, в лучшем случае – безразличных, чужих. Это – скорее не общество, а разобщенная толпа, «человейник». Чтобы стать обществом, *объединением* людей, он должен в своем развитии – пока больше походить на деградацию – достичь такого состояния, когда отсутствие сотрудничества, взаимопомощи между индивидами сделает невозможным их *физическое* выживание.

Только после этого образ жизни людей начнет определяться их собственной совместной деятельностью, отличающейся от прежней профессиональной работы наличием соответствующей *потребности* – потребности, удовлетворяемой с помощью продукта данной деятельности, неотделимого, однако, от самого ее процесса. Ведь любой предмет потребления приобретает человеческий (человечный,

гуманный) смысл только в процессе его производства в том сообществе, членам которого он затем служит. И сама потребность заключается для человека не в том, чтобы использовать тот или иной продукт деятельности, а в том, чтобы совместно с другими людьми создавать условия их совместной жизни. Иными словами, человеческая потребность – это потребность не в вещи, а в человеке: в другом человеке и в самом себе как в достойном представителе человеческого рода. Именно такую, необходимую человеку, деятельность – деятельность по его собственной потребности – и должна формировать *гуманная педагогическая система*. Это значит, что ее фундаментальной задачей является «выращивание» человеческих *потребностей*, и уже следующей «технологической операцией» становится помощь ученику в выработке *способностей* к самостоятельному (совместному с другими) удовлетворению данных потребностей. И если второй «этаж» можно назвать образованием, то первый – это, по-видимому, *воспитание* (учитывая как обыденное словоупотребление, так и многочисленные расплывчатые «научные» определения).

В этой «двухэтажной» структуре – принципиальное отличие гуманной педагогики от традиционной системы образования, которая представляет собой поточное производство стандартных комплексов «способностей» к выполнению ненужной их носителям работы, т.е. производство *рабочей силы* различного профиля и квалификации. Как мы уже отмечали, система образования не выполняет даже этой своей целевой функции; в действительности она производит только *документы об образовании*. И происходит это не из-за тех или иных «недостатков» в ее работе, а как раз в силу того, что она пытается работать с *половинами* людей (причем со *вторыми* половинами!) – со способностями без потребностей.

Описанное выше личностное качество современного профессионала характеризует его как продукт крайней человеческой деградации, как бесчеловечную личность. И оно же обеспечивает ему возможность выхода из системы нынешних антигуманных производственных – в том числе педагогических – отношений: раз они никак не связаны с его потребностями, значит, он может без особого сожаления отказаться от них и включиться в такие новые отношения, которые сделают для него необходимым формирование определенных потребностей и которые будут создавать те или иные условия для их удовлетворения. Подведем предварительные итоги.

Первое. Система образования и гуманизм – «две вещи несовместные».

Второе. Антигуманизм, как сущностная характеристика современной цивилизации, лишает ее исторической перспективы. Она может продолжать существовать «по инерции» еще в течение неопределенного (хотя, по-видимому, не слишком длительного)

времени. У этой цивилизации есть впереди хронология, но свою историю она уже прожила.

Третье. Гуманизм – впервые в истории – перестает быть *моральным принципом*, т.е. запретом на антигуманные действия, исходящим от «общественного мнения». Он становится положительным принципом совместной деятельности людей. Такая деятельность – единственная историческая форма, которая может придти на смену профессионализму.

Следовательно, принцип гуманизма – ни в коем случае не пожелание в адрес антигуманной цивилизации и её системы образования: впредь, по возможности, сдерживать свои людоедские наклонности. Этот принцип, определяя перспективную форму педагогической системы, создающей человеческую деятельность нового типа, тем самым выносит смертный приговор современной системе образования.

Какими же путями идёт процесс вызревания новой, гуманной педагогики, в которой образование перестает быть самодовлеющей системой и обретает роль «второго этажа», надстраиваемого над воспитанием?

Тупик или барьер?

Гуманная педагогика – отнюдь не фантазия о прекрасном будущем. Напротив. Будущее – не только прекрасное, а какое-либо вообще – возможно для нас только в том случае, если мы создадим гуманную педагогику, а значит, – если превратим наше общество в живое общество живых людей, совместно действующих ради улучшения своей жизни и совместно обучающихся такой деятельности. Этот процесс необходим и детям, и взрослым; вообще, в гуманной педагогике возраст не может столь жестко определять взаимоотношения людей, как в традиционной системе образования. Новый синтез воспитания и образования – это единый процесс взаимо- и самообучения, объединяющий детей и взрослых в совместной развивающейся деятельности. И только такой процесс, – в отличие от старой «воспитательной» *дрессуры* и «образовательного» *программирования* полулюдей, – достоин называться *учением*.

Но всё же: только ли в будущем времени можно говорить о создании гуманной педагогики?

Безусловно, в готовом виде ее пока не существует. Но как тенденция она уже созрела и стала сегодняшней, насущной необходимостью для тысяч, – пожалуй, даже для сотен тысяч семей в разных странах мира. Многие из них просто не «отдают» больше детей в школу. Другие – те, кому повезло встретить гуманных педагогов, – организуют свои школы, где пытаются заменить для детей подготовку к жизни – сегодняшней жизнью (школы С. Френе, «дикие школы» во Франции и т.п.).

Слабым местом таких школ становится, однако, отсутствие реальной потребности в результатах деятельности детей, отсутствие ее востребованности со стороны определенного круга людей – прежде всего *семей* учеников. Поэтому детская деятельность разворачивается в различных областях *культуры* (в искусстве, науке, технике, спорте); но такое «творчество», не имеющее базиса в виде хозяйственной и организационной деятельности, не становится ни процессом действительного самовыражения (так как и нет подлинной личностной связи с теми, кому оно может быть адресовано, да и нечего особенно «выражать»), ни путем к улучшению материальных и социальных условий жизни (тем самым научно-техническое творчество лишается смысла). «Деятельность» оказывается просто набором развлечений и, разумеется, не может определять содержание образования. Последнее неизбежно приходится строить по традиционному предметному принципу; и, хотя номенклатура предметов может быть весьма необычной, они остаются точно такими же навязанными извне, как и в «старой доброй» системе образования. Меньшее сопротивление этому навязыванию со стороны учеников и, соответственно, лучшие результаты освоения ими образовательного материала объясняются лучшим эмоциональным контактом между ними и педагогами – эмоциональным, но не деятельным, не личностным.

В нашей стране опыты по созданию гуманной педагогической системы связаны с именами С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко. Отметим, что в последнее время часто приходится сталкиваться с такими суждениями о деятельности Макаренко, которые характеризуют не столько эту деятельность, сколько антиисторизм авторов данных суждений. Макаренко представляют апологетом тоталитаризма в педагогике, таким «фельдфебелем в Вольтерах», установившим диктат коллектива (понимаемого не иначе как военизированная батальонно-роттно-взводная структура) над личностью, и на этом основании начисто отказывают в гуманности как ему лично, так и его педагогической системе. Однако такой подход равносильен признанию антигуманистами и тоталитаристами всех без исключения советских педагогов 30-х – середины 50-х годов; и если даже допустить, что сама по себе такая оценка верна, то как раз тогда и становится очевидной ее полная бессмысленность: оказывается, что в ту эпоху сталинизм, т. е. тоталитаризм, был «естественным состоянием» практически для каждого советского человека – так же, как каннибализм для членов некоторых первобытных племен. Вопрос не в том, кто тогда был большим, а кто меньшим сталинистом, – а в том, кто реально способствовал переходу общества на ту ступень развития, когда сталинизм окажется уродливым пережитком.

И вот в этот переход А.С. Макаренко внес вклад поистине неоценимый. В своей колонии он собрал детей, потерявших семью или ставших в собственной семье чужими, и создал вместе с ними – на

основе совместной необходимой деятельности – настоящие семейные взаимоотношения. Да, эта семья была авторитарной, патриархальной. Другой тогда быть не могло – и, между прочим, не только в нашей стране. Да, производство – особенно в Коммуне им. Дзержинского – было подчинено государственным нуждам. А был ли иной вариант? В основе, однако, лежало полное бытовое и хозяйственное самообеспечение; а главное – это была реальная производственная деятельность, а не подготовка к ней. Дети были включены в жизнь, а не выброшены из нее. Кроме того, они – во главе с Макаренко – не довольствовались общепринятым на тот момент образом жизни и способом ее воспроизводства. В Коммуне существовало реальное самоуправление (в отличие от псевдогуманной «коммунарской» системы И.П. Иванова, изобретенной в 50-е годы и спекулировавшей на понятиях коллективности, творчества и т.п.). Самостоятельно определялись перспективы хозяйственного, организационного и культурного развития: по общему решению коммунаров была упразднена охрана (в исправительном учреждении системы НКВД!) и вместо нее наняты преподаватели для рабфака; создано инновационное производство фотоаппаратов и, в целях его развития, организована система научно-технического творчества.

Огромная заслуга Макаренко состоит в том, что он сумел сделать весь этот опыт достоянием общества, описав его в художественных и научно-популярных педагогических произведениях. Особое место среди них занимает «Книга для родителей», сочетающая научность с художественностью и направленная на становление каждой семьи как живого, деятельного единства взрослых и детей – опять-таки несмотря на неизбежную «казенную» фразеологию.

Если главный период деятельности А.С. Макаренко пришелся на 20–30-е годы, то работа С.Т. Шацкого по созданию гуманной педагогики началась еще в 1905 году. Основной смысл этой работы определялся приговором, который Шацкий так и сформулировал: «потерпел крушение самый принцип учения – подготовки. Мы не жили, а готовились». Новая, гуманная педагогика должна была строиться «по деятельности» – по сегодняшней, а не будущей, деятельности детей.

Но, создавая деятельностьную педагогику вначале в своем «Сетлементе», затем – в сельской колонии «Бодрая жизнь» и наконец на Первой опытной станции по народному образованию, Шацкий решал эту задачу уже в конструктивном ключе: он положил деятельность детей (естественно, совместную со взрослыми) в основу структуры образования. И здесь деятельность оказалась разделенной на отрасли: хозяйственная, умственная, художественная, игровая, социальная, физкультурная... Это давало возможность построить кооперацию с окружающим населением, т.е. включить детей в сегодняшнюю жизнь, однако лишило саму деятельность внутреннего противоречия, развивающего её. И образование, построенное по такой деятельности,

было лишь ее статичным изображением, неспособным включиться в ее состав как механизм ее саморазвития. Чтобы решить эту проблему – проблему жизненности образования, – необходимо, по-видимому, строить саму деятельность не как комплекс существующих рядом друг с другом (хотя и взаимодействующих, на что обращает внимание Шацкий) *отраслей*, а как единую систему, каждый элемент которой обладает всеми ее существенными свойствами.

Примерная схема такова. Включение группы детей в хозяйственную деятельность (материальное преобразование) вызывает необходимость их самоорганизации (социальное преобразование); осуществление хозяйственной и организационной деятельности обеспечивается деловым и организационным общением, а оценка и эмоциональное переживание ее текущих и окончательных результатов выводят участников на личностный уровень общения (духовное преобразование). Каждый из «этажей» деятельности содержит исполнительский и творческий «горизонты»; переход от материального и социального исполнительства (реализации уже освоенного) к творчеству (освоению нового – по крайней мере, для самого субъекта деятельности) обеспечивается прикладным проблемным образованием (где каждая проблема имеет межпредметное содержание); личностное общение («духовное исполнительство») создает стремление к культурной деятельности в сферах искусства, спорта, техники, науки – к само- и взаимовыражению (духовному творчеству), которое требует развивающего самообразования.

Очевидно, школа, реализующая подобный педагогический процесс, должна быть построена как большая семья. В ней нет жесткого деления на родителей и педагогов, на детей своих и чужих; ученики в ней являются в то же время педагогами – естественно, в основном старшие для младших, но и обратное вполне возможно. Такая школа играет роль социально-культурного и (частично) хозяйственного центра обслуживаемой ею территории.

Возможна ли реализация такого рода проектов в нынешней России? Ответить на этот вопрос утвердительно позволяет пусть крайне медленное, но всё же оживление социальной инициативы. Люди начинают объединяться для решения сиюминутных, частных проблем, но на их пути вырастают такие препятствия, в столкновении с которыми данное объединение либо растратит все ресурсы и распадётся, либо укрепитя и сплотится в коллектив, ставящий перед собой уже крупные, сложные и перспективные задачи – в том числе связанные с детьми.

Упомянутые выше попытки создания гуманной педагогической системы предпринимались в те переломные моменты, когда государство – будь то во Франции, Германии или России – выпускало из рук инициативу и ее подхватывали отдельные лица или их объединения. Но, во-первых, эта ситуация, характерная для начала нашего столетия, в 30-70-е годы сменилась повсеместным укреплением государственной

машины на основе монополизации капитала (в наибольшей степени это относится к СССР); во-вторых, тогда еще не сложилась организационно-техническая база, которая могла бы обеспечить полноценное прикладное образование школьников, включенных в производство, удовлетворяющее потребности объединения их семей.

Нынешняя ситуация в мире – парадоксальна. Государство, слившись с капиталом и достигнув в процессе их совместного «самовозрастания» безраздельной власти над обществом и личностью, исчерпало те ресурсы, которыми до сих пор питалось. Общество (как и его элементарная ячейка – семья) мертво. Попытки государства «стимулировать» его инъекциями политико-идеологических наркотиков – религии, национализма – вызывают новые конфликты, в том числе военные, и лишь ускоряют распад. За каждую «дозу» мы расплачиваемся «ломкой» – «афганским», «чеченским» и прочими синдромами. Разнообразные наркотики индивидуального пользования – химические, телевизионные, музыкальные, компьютерные – обеспечивают каждой «личности» полную свободу в выборе своего, неповторимого способа самоубийства в рассрочку. И лишь те немногие, кого не удовлетворяет это состояние «ходячей смерти», создают – в Америке, Западной Европе, а в последние годы и в России – объединения, чаще всего называемые у нас территориальными общинами, – для решения общих проблем. Решения самостоятельного, без упования на государство. А поскольку большинство взрослых уже занято другими делами, – рано или поздно к этим проблемам приходится привлекать детей.

Только на этом пути общество, семья, личность могут вместе повторить судьбу птицы Феникса.

Мы – жители России и все человечество – находимся сегодня не в тупике, а перед высоким барьером.

Хватит ли у нас сил его преодолеть?

Долг перед собой: мы должны дать осуществиться своему хорошему.
Когда-нибудь наша эра, которую назовут, вероятно, “эрой нравственности” или “эрой войн”, сменится эрой человечности.

Что же и называть *подлинностью*, как не соответствие выбираемого поведения – невыбираемому духу?

Идти только к идеям, а не от них.

Александр Круглов

ПРОЕКТ УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО АГРОЦЕНТРА “РОДНАЯ ЗЕМЛЯ”

Территория расположения: Тверская область, Калязинский район, деревня Василёво на дороге в Углич и посёлок Нерль, расстояние между которыми 18 км.

Целью проекта является возрождение земель путём применения агроэкологических технологий и соответствующих форм социальной организации.

Частными целями проекта являются: обучение коренного населения, молодёжи и переселенцев эффективным технологиям

- производства, переработки и реализации с/х продукции;
- создание и обеспечение деятельности учебно-производственных миниферм, мини-цехов и заводов по переработки, сети торгово-закупочных предприятий;
- создание фермерских хозяйств и кооперативов и их всесторонняя поддержка;
- создание новых рабочих мест в зоне действия УПЦ;
- создание системы агросервиса для малых предприятий АПК и физических лиц;
- включение личных подсобных хозяйств граждан в систему товарного производства;
- создание и обеспечение функционирования единого информационного пространства в АПК России для целей маркетинга, менеджмента и статистики;
- создание фонда поддержки малого агробизнеса, кредитного союза, системы юридической и соцзащиты субъектов АПК;
- создание подсобных с/х производств при школах-интернатах для детей-сирот и домах-интернатах для престарелых граждан.

Направления деятельности:

- Экологическое земледелие, рекультивация земель, растениеводство и животноводство.
- Начальное обучение и непрерывное образование фермеров и населения в сфере экологических технологий землепользования, растениеводства, животноводства и переработки сельскохозяйственной продукции.
- Производство и переработка с/х продукции.
- Возрождение деревень и обустройство комплексных поселений.
- Повышение эффективности с/х труда и качества продукции.
- Социально-организационная и трудовая адаптация сельского населения, беженцев и переселенцев.
- Производство строительных материалов, жилых и хозяйственных модулей.

Принципы организации: совладение и кооперация.

Юридическая форма организации Центра – НП.

Достижение цели посредством:

- Непрерывного обучения сельскохозяйственным технологиям.
- Обучение работе с техникой и транспортными средствами.
- Формирования в процессе обучения групп с/х десанта, отработка проектного задания в плановой территории, финансирование реализации проекта после его защиты в Центре.
- предоставление в кредит модулей, техники, семенного и другого материала фермерам и населению под продукцию из будущего урожая.

Финансовые механизмы:

Оплата обучения и проживания в Центре будет производиться трудом на месте обучения.

Оплата кредита для организации хозяйства в виде поставки модулей и техники для работы будет производиться продуктами труда и переработки.

Привлечение инвестиций и финансовых средств потребителей продукции на правах совладения.

Планируемые результаты:

Формирование комплексных поселений.

Создание и расширение сети социально-экономического взаимодействия вновь образованных и существующих на территории проекта хозяйств.

Привлечение городского и незанятого населения и молодежи из других областей Центрального района России к работе в Центре; организация филиалов.

Обеспечение продукцией структуры Центра, поставки на предприятия и рынки городов и поселков.

Структурирование территорий с целью самообеспечения, повышения уровня социально-экономической организации и жизнеобеспечения населения.

Повышение уровня жизнеобеспечения всех участников проекта в процессе его реализации.

Стоимость проекта 50 миллионов рублей.

Расчётный срок окупаемости 3 года.

Авторы проекта Ереньков В.И. и Мумладзе Н.А. удостоены диплома Международного экологического Форума 2001 года.

Научные руководители: в области сельского хозяйства – директор Института инвестиционного менеджмента в АПК, академик Базаров Евгений Иванович, в области природо-обусловленной организации территории комплексного поселения – в.н.с. ЦНИИП градостроительства, д.т.н. Лазарева Ирина Владимировна.